

УДК 164.3

О ФОРМАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПОЗНАВАЕМОСТИ У ЭДЖИНГТОН

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается формализация принципа познаваемости в терминах эпистемической логики, предложенная Дороти Эджингтон в качестве решения проблемы Фитча. Данная формализация интересна тем, что она блокирует парадокс Фитча и при этом – в неформальном понимании – имеет ясный и интуитивно привлекательный смысл. Однако, как показано в статье, формально-семантическая теория, лежащая в основе этой формализации, содержит два существенных пробела: 1) в ней не определена интерпретация оператора актуальности; 2) в ней не определен формально-семантический способ репрезентации знаний агента. Главный тезис статьи имеет критический характер и состоит в том, что пока не восполнены эти пробелы, предложенная Эджингтон концепция не может считаться решением проблемы Фитча.

Ключевые слова: эпистемическая логика, принцип познаваемости, парадокс Фитча, Эджингтон, ситуационная семантика, оператор актуальности.

Для цитирования: Борисов, Е. В. (2021). О формализации принципа познаваемости у Эджингтон. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 4. С. 43-51. DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.43-51.

ON EDGINGTON'S FORMALIZATION OF THE PRINCIPLE OF KNOWABILITY

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. The formalization of the principle of knowability suggested by Dorothy Edgington is examined. This formalization has been suggested as a solution to the Fitch problem. It is interesting in that it blocks the Fitch argument and, in informal reading, makes a clear and intuitively appealing sense. On the other hand, as is shown in the paper, the semantic theory behind this formalization has two significant gaps: 1) it does not define the interpretation of actuality operator, and 2) it does not define the semantic way of representing the agent's knowledge. The main outcome of the papers is critical. It is to the effect that unless those gaps are filled, Edgington's theory cannot count as a solution to the Fitch problem.

Keywords: epistemic logic, the principle of knowability, the Fitch paradox, Edgington, situation semantics, actuality operator.

For citation: Borisov, E. V. (2021). On Edgington's Formalization of the Principle of Knowability. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 43-51. DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.43-51.

Введение

Статья посвящена одной из проблем, связанных с принципом познаваемости. В неформальной формулировке этот принцип гласит: *Все факты познаваемы*. Эпистемологический оптимизм, выражаемый этим принципом, интуитивно привлекателен, даже если мы ограничиваем область его применимости. (Например, если мы сомневаемся в познаваемости микромира, мы можем применять этот принцип только к фактам макромира.) Проблема, о которой пойдет речь, широко известна как «парадокс Фитча». Она возникает при попытке формализовать этот принцип в терминах эпистемической логики. Наиболее естественная логическая формализация данного принципа такова:

$$(1) \quad \varphi \rightarrow \Diamond K\varphi$$

Данная формализация естественна, поскольку трактует познаваемость как возможность быть известным, что вполне соответствует интуитивному смыслу слова «познаваемость». Проблема состоит в том, что, как показал Ф. Фитч в [Fitch, 1963], (1) вместе с двумя интуитивно привлекательными принципами имеет следствием крайне контринтуитивный тезис, что все факты известны. Интуитивно привлекательные принципы, о которых идет речь, таковы:

- Принцип фактивности знания: $K\varphi \rightarrow \varphi$ (все известное истинно).
- Принцип дистрибутивности знания относительно конъюнкции: $K(\varphi \& \psi) \rightarrow K\varphi \& K\psi$ (если известна конъюнкция двух пропозиций, то известна и каждая пропозиция в отдельности).

Аргумент Фитча показывает, что если принять (1) и упомянутые принципы в качестве аксиом, то одной из теорем окажется формула $p \rightarrow Kp$:

I	$p \& \sim Kp$	допущение (p – неизвестный факт)
II	$\Diamond K(p \& \sim Kp)$	применение (1) к I
III	$\Diamond (Kp \& K \sim Kp)$	применение принципа дистрибутивности к II
IV	$\Diamond (Kp \& \sim Kp)$	применение принципа фактивности к III
V	$\sim \Diamond (Kp \& \sim Kp)$	теорема ¹
VI	$\sim (p \& \sim Kp)$	поскольку I приводит к противоречию между IV и V
VII	$p \rightarrow Kp$	эквивалентно VI в классической логике

Конечно, результат этого аргумента – тезис об известности всех фактов – неприемлем. Реакции на этот аргумент, представленные в литературе, весьма разнообразны. Например, некоторые авторы считают, что логика познаваемости должна быть интуиционистской, и на этом основании отвергают переход от VI к VII (в интуиционистской логике эти формулы не эквивалентны). Некоторые предлагают альтернативные трактовки понятия познаваемости, в которых последняя не определяется через знание (соответственно, в формализации

¹ Это частный случай теоремы логики K о невозможности противоречия: $\sim \Diamond (\varphi \& \sim \varphi)$. Эпистемическая логика содержит все теоремы K, в том числе и эту.

принципа познаваемости не используется оператор «К»); некоторые ограничивают или даже полностью отвергают принцип познаваемости; наконец, есть авторы, которые предлагают альтернативные формализации этого принципа. Анализ существующих подходов к проблеме выходит за рамки данной статьи [см. обзор литературы в: Salerno, 2009; Brogaard, Salerno, 2019]. Задача данной статьи – критический анализ одного из решений, а именно решения Д. Эджингтон. Оно было предложено в [Edgington, 1985] и получило дальнейшую разработку в [Edgington, 2010]².

Эджингтон придерживается последней из перечисленных выше стратегий решения проблемы: она предложила новую формализацию принципа познаваемости, которая, по ее мнению, отражает его интуитивный смысл, но при этом блокирует аргумент Фитча. Следующие разделы статьи посвящены изложению и критике данной концепции.

Концепция Эджингтон

Формализация принципа познаваемости, предложенная Эджингтон, такова:

$$(2) \quad A\phi \rightarrow \Diamond KA\phi,$$

где «А» – оператор актуальности. Эта формализация имеет две особенности. Во-первых, она ограничивает применимость принципа познаваемости действительными фактами. Во-вторых, она основана на трактовке познаваемости как наличия контрфактического знания о действительности. В самом деле: в консеквенте (2) оператор «К» находится в области действия оператора возможности, что означает, что речь идет о контрфактическом знании; в то же время предмет знания представлен как формула, в которой главным оператором является оператор актуальности, т. е. речь идет о знании о действительности. Таким образом, консеквент (2) представляет, по выражению Эджингтон, знание о действительности «на модальном расстоянии» (from a modal distance) [Edgington, 2010, p. 42]. Ниже будет показано, что эта особенность концепции Эджингтон порождает вопрос, на который сама Эджингтон ответа не дает, что делает ее концепцию существенно неполной.

Концепция Эджингтон имеет два значительных достоинства. Прежде всего, она блокирует аргумент Фитча. Действительно, если допустить, что p – действительный факт, который в действительности неизвестен, т. е. допустить $A(p \& \sim Kp)$, а затем последовательно применить к данной формуле (2), дистрибутивность³ и фактивность, мы получим $\Diamond(KA p \& A \sim Kp)$. Последняя формула, в отличие от IV – ее «двойника» в аргументе Фитча, не содержит противоречия и, следовательно, не имеет контринтуитивных следствий. Кроме того, в неформальном понимании она имеет вполне ясный и интуитивно привлекательный смысл. Остаток данного раздела посвящен неформальному смыслу данной концепции.

² Концепция Эджингтон, представленная в статье 1985 г., была подвергнута критике в ряде работ Уильямсона [Williamson, 1987; Williamson, 2000], Кванвига [Kvanvig, 2006], Дженкинса [Jenkins, 2007], Фара [Fara, 2010] и др. Статья 2010 г. содержит ответ на критику. См. также апологетическую публикацию Рюкерт [Rückert, 2004] и мою критику его аргументов в [Borisov, 2021].

³ С той только разницей, что на этот раз нам нужно будет распределить относительно конъюнкции сначала «А», затем «К». Мы можем это сделать: дистрибутивность «А» относительно конъюнкции очевидна.

Принципиальная особенность концепции Эджингтон состоит в том, что для интерпретации (2) она предлагает использовать не семантику возможных миров, но семантику возможных ситуаций (ситуационную семантику), разработанную Хамберстоуном в [Humberstone, 1981]. Поэтому здесь следует дать определение ситуации и отметить существенные для дальнейшего свойства ситуаций в его семантике. Говоря неформально, ситуация – это любой фрагмент возможного мира, который делает истинными или ложными некоторые (не обязательно все) пропозиции. Ситуацию можно определить, задав минимальный набор пропозиций, которые должны быть в ней истинными; ниже я буду использовать для этого квадратные скобки. Определим, например, ситуации s и t следующим образом:

s = [Снег бел. Трава зелена.]

t = [Снег бел. Трава зелена. Пушкин лыс.]

Свойства ситуаций, которые нам потребуются ниже, таковы:

- (a) Пропозиции могут быть истинными, ложными и неопределенными относительно ситуаций. Например, пропозиция «Трава зелена» истинна относительно s и t ; пропозиция «Трава не зелена» ложна относительно s и t ; пропозиция «Пушкин лыс» истинна относительно t и не определена относительно s .
- (b) Ситуация может быть частью другой ситуации, например, s является частью t . Отношение «быть частью» интуитивно очевидно и не нуждается в определении. Отмечу только, что это отношение рефлексивно: каждая ситуация является частью себя самой.
- (c) Существуют максимальные ситуации, т. е. ситуации, которые не являются частями каких-либо *других* ситуаций. Такие ситуации называются возможными мирами.
- (d) Для любых ситуаций s и t и для любой пропозиции p : если s – часть t , и p имеет определенное истинностное значение (т. е. является истинной или ложной) в s , то ее истинностное значение в t идентично ее истинностному значению в s . В более свободной формулировке: истинностное значение пропозиций, если оно определено для части, сохраняется при переходе от части к целому.

Основание, по которому Эджингтон предпочитает ситуационную семантику семантике возможных миров, обусловлено ее трактовкой познаваемости. Как отмечено выше, познаваемость – это существование контрфактического знания о действительности. Действительность можно понимать двояко: как действительный мир и как действительную ситуацию. Соответственно, знание о действительности предполагает возможность идентификации действительности как мира или как ситуации. Для реально существующих агентов – людей и человеческих коллективов – идентификация мира невозможна в силу его необозримости, но вполне возможна идентификация некоторых (достаточно «компактных» и поэтому обозримых) ситуаций. Поскольку мы рассматриваем принцип познаваемости применительно к людям, а не, например, к лапласовским демонам, и поскольку (2) предполагает способность агентов идентифицировать действительность, мы должны понимать действительность как ситуацию или некоторое множество ситуаций.

В заключении раздела воспроизведу один из примеров, которыми Эджингтон иллюстрирует интуитивный смысл ее концепции [Edgington, 1985, pp. 565-566]. К Земле приближается комета, и у ученых появляется шанс выяснить с помощью космической миссии, имеются ли на ней органические вещества. Действительный ответ на этот вопрос – обозначим его «р» – пока неизвестен, т. е. имеет место $p \& \sim Kp$. При этом комета находится в процессе распада, поэтому шанс является последним. К комете был направлен космический аппарат, но миссия провалилась, и сложилась ситуация s_1 , в которой формула $p \& \sim Kp$ осталась истинной. Эта ситуация является действительной, поэтому мы имеем также $A(p \& \sim Kp)$. Рассмотрим контрфактическую ситуацию s_2 , в которой миссия удалась; в остальном s_2 максимально близка к s_1 . Контрфактические агенты в s_2 знают p ; кроме того, они знают, что *если бы миссия провалилась*, имело бы место $p \& \sim Kp$. Говоря «если бы миссия провалилась», они воображают ситуацию, в которой миссия провалилась, а в остальном максимально близкую к их ситуации. Таким образом, они воображают именно ситуацию s_1 . Но s_1 – это действительная ситуация, следовательно, контрфактические агенты в s_2 знают, $A(p \& \sim Kp)$, т. е. в s_2 истинно $KA(p \& \sim Kp)$. Но s_2 – это альтернатива s_1 , следовательно, в s_1 истинно $\Diamond KA(p \& \sim Kp)$. Данный пример показывает: 1) что факт действительности может быть предметом контрфактического знания; 2) что этот тезис применим даже к фактам, которые аргумент Фитча делает проблематичными, т. е. к (действительным) фактам формы $p \& \sim Kp$. На мой взгляд, это делает предложение Эджингтон интуитивно привлекательным. Однако в следующем разделе я покажу, что оно требует доработки в формально-семантическом аспекте.

Критика концепции Эджингтон

Мой критический тезис состоит в том, что концепция Эджингтон содержит два существенных пробела, которые не позволяют рассматривать ее как завершенное решение проблемы. Первый пробел состоит в том, что Эджингтон не предложила семантической интерпретации оператора актуальности, который используется в (2). В самом деле, при попытке дать истинностную оценку формулам, содержащим оператор актуальности, в том числе (2), в семантике Хамберстоуна мы не можем использовать его дефиницию истины без изменений, потому что в формальном языке Хамберстоуна нет оператора актуальности, соответственно, в его дефиниции истины нет пункта для этого оператора. Таким образом, чтобы использовать семантику Хамберстоуна в концепции Эджингтон, в частности, чтобы семантически интерпретировать (2), необходимо дополнить дефиницию истины Хамберстоуна пунктом для «А». Эджингтон этого не делает, но это значит, что она предлагает формализм без семантической основы. Но формализм без семантической основы не может быть решением неформальной проблемы. Ниже я покажу, что восполнение указанного пробела в рамках ситуационной семантики – нетривиальная задача, и что наиболее естественные способы ее решения не совместимы с интуитивным смыслом (2).

Если бы мы имели дело с семантикой возможных миров, необходимая модификация семантических дефиниций была бы очевидна: мы включили бы в дефиницию модели наличие выделенного (действительного) мира, а в дефиницию истины – стандартный пункт, согласно

которому $A\phi$ истинна в произвольном мире, если и только если ϕ истинна в действительном мире. Но в ситуационной семантике мы не можем выделить отдельно взятую ситуацию как действительную: в ситуационной семантике действительных ситуаций *много*. В самом деле, очевидно, что когда мы используем фразы «в действительности», «на самом деле» и т. п., мы в разных контекстах подразумеваем разные действительные ситуации. Но если мы имеем много действительных ситуаций (а в моделях, соответствующих интуитивному пониманию действительности, их должно быть бесконечно много), то как определить условия истинности формулы $A\phi$ в произвольной ситуации s ? Это существенный вопрос, потому что от того, к какой из действительных ситуаций отсылает «А», зависит истинностное значение $A\phi$. Например, пусть ϕ – это пропозиция, что снег бел (соответственно, « $A\phi$ » означает «в действительности снег бел»). Конечно, в действительном *мире* ϕ истинна, поэтому она истинна также во всех действительных ситуациях, в которых цвет снега определен. Но есть действительные ситуации, в которых цвет снега не определен: если при определении истинностного значения $A\phi$ в ситуации s «А» отсылает к ситуации [Пушкин – наше все. Снег бел.], то $A\phi$ истинна в s ; если же «А» отсылает к ситуации [Трава зелена. Вода мокра.], то $A\phi$ не истинна в s .

Я вижу две возможности заполнения этой лакуны, но они обе неприемлемы в рамках концепции Эджингтон. Первая возможность состоит в том, что мы в качестве единственной действительной ситуации рассматриваем действительный *мир*, который, конечно, должен быть выделен в модели. В этом случае пункт дефиниции истины для оператора актуальности выглядит так:

- (3) Формула $A\phi$ истинна в ситуации s , если и только если ϕ истинна в действительном мире.

Эта формулировка звучит вполне естественно и отражает интуитивный смысл оператора актуальности (и его эквивалентов в естественном языке – фраз типа «в действительности») в алетических контекстах. Однако для эпистемических контекстов, о которых идет речь, т. е. для контекстов формы $KA\phi$, (3) не подходит, потому что предполагает способность агента знания идентифицировать действительный *мир*. Напомню, невозможность для реальных агентов идентифицировать миры мотивировала предложение Эджингтон использовать при интерпретации (2) ситуационную семантику, а не семантику возможных миров.

Другая возможность состоит в том, чтобы рассматривать в качестве действительных ситуаций все фрагменты действительного мира (опять же, выделенного в модели) и интерпретировать оператор актуальности следующим образом:

- (4) Формула $A\phi$ истинна в ситуации s , если и только если существует ситуация t , такая что t является частью действительного мира, и ϕ истинна в t .

На первый взгляд кажется, что эта формулировка позволяет избежать трудности, которую порождает (3) в связи с контекстами вида $KA\phi$, потому что в этом случае знание о действительном предполагает способность агента идентифицировать ситуации, а не миры.

Но если учесть упомянутые выше свойства ситуаций в смысле Хамберстоуна, то нетрудно видеть, что (3) и (4) эквивалентны, поэтому проблемы, порождаемые первой формулировкой, имеют место и для второй. Эквивалентность (3) и (4) показывает следующее рассуждение. Допустим, $A\phi$ истинна в s в смысле (3). Это значит, что ϕ истинна в действительном мире. В силу рефлексивности отношения «быть частью», действительный мир является своей частью. Следовательно, существует часть действительного мира, в которой ϕ истинна, что означает истинность $A\phi$ в s в смысле (4). И наоборот: допустим, $A\phi$ истинна в s в смысле (4). Это значит, что ϕ истинна в некоторой ситуации t , которая является частью действительного мира. В силу свойства ситуаций (d), все, что истинно в t , истинно и в действительном мире. Следовательно, ϕ истинна в действительном мире, а значит, $A\phi$ истинна в s в смысле (3). Итак, истинность в смысле (3) влечет истинность в смысле (4), и наоборот. Поэтому неприемлемость (3) в концепции Эджингтон влечет за собой и неприемлемость (4)⁴.

Второй существенный пробел в концепции Эджингтон связан с интерпретацией эпистемического оператора. Как и в случае с «А», Эджингтон не прописывает явным образом пункт дефиниции истины для формул вида « $K\phi$ ». Поскольку она предлагает использовать семантику Хамберстоуна, естественно предположить, что она принимает этот пункт в его версии. Но у Хамберстоуна знания агента репрезентируются отдельной ситуацией (в отличие от стандартной семантики возможных миров, где знания агента репрезентируются эпистемическим отношением достижимости между мирами). При таком подходе формула $K\phi$ истинна в ситуации s , если и только если ϕ истинна в t , где t – это ситуация, репрезентирующая знания агента в s . Если мы примем этот способ репрезентации знания, то истинностная оценка формул вида $KA\phi$ порождает еще одну проблему. В самом деле, допустим, мы каким-то образом определили актуальную ситуацию @ и включили в дефиницию истины стандартный пункт для оператора актуальности: *$A\phi$ истинна в s , если и только если ϕ истинна в @*. Эта дефиниция имеет нелепое следствие, что если ϕ истинна в @, то $A\phi$ истинна во *всех* ситуациях, в том числе в ситуации, которая репрезентирует знания агента в какой бы то ни было ситуации. Но тогда получается, что в любой ситуации агент знает о действительности все, что имеет место в @. Иначе говоря, если ϕ истинна в @, то мы не можем вообразить ситуацию, в которой $KA\phi$ было бы неистинно: знание формы KA (...) при таком подходе не допускает вариативности при переходе от ситуации к ситуации. Это весьма контринтуитивный результат, и его необходимо каким-то образом предотвратить. Но как это сделать? Предполагает ли Эджингтон некоторую модификацию семантики Хамберстоуна, позволяющую решить эту проблему? Или имеет в виду иной способ репрезентации знаний агента? В ее публикациях этот вопрос остается открытым.

⁴ Рабинович и Сегерберг предложили любопытный вариант интерпретации оператора актуальности в двумерной семантике возможных миров [Rabinowicz, Segerberg, 1994]. Эта интерпретация интересна тем, что не фиксирует возможный мир как выделенный мир модели, но делает его зависимым от контекста. Эта семантика не вписывается в концепцию Эджингтон, потому что является версией семантики возможных миров, но не исключено, что указанная идея может быть адаптирована к специфике ситуационной семантики и использована при интерпретации (2).

Таким образом, в концепции Эджингтон не определена семантика для двух операторов, используемых в (2). Это лишает используемый ею формализм семантического смысла, поэтому пока эти пробелы не заполнены, ее концепция не может считаться решением проблемы Фитча.

Заключение

Предложенная Эджингтон формализация принципа познаваемости в терминах эпистемической логики имеет два значительных достоинства: она блокирует аргумент Фитча и является интуитивно привлекательной в неформальном понимании. Однако формально-семантический аспект ее концепции содержит два существенных пробела, без которых концепция остается незавершенной и не может быть решением проблемы Фитча. Эти пробелы состоят в следующем: 1) не определен формально-семантический смысл понятия действительности, что делает невозможной истинностную оценку формул формы Аф; 2) не определен формально-семантический способ репрезентации знаний агента, что делает невозможной истинностную оценку формул формы Кф. В частности, эти пробелы делают невозможной истинностную оценку предложенной Эджингтон формализации принципа познаваемости.

Список литературы / References

- Borisov, E. (2021). Knowability without rigidity. *Filosofija. Sociologija*. Vol. 32. no. 3. pp. 194-202. DOI: 10.6001/fil-soc.v32i3.4491.
- Brogaard, B., Salerno, J. (2019). *Fitch's Paradox of Knowability* [Online]. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/fitch-paradox/> (Accessed: 1 November 2019).
- Edgington, D. (1985). The Paradox of Knowability. *Mind*. Vol. 94. pp. 557-568.
- Edgington, D. (2010). Possible Knowledge of Unknown Truth. *Synthese*. Vol. 173. pp. 41-52. DOI: s11229-009-9675-9.
- Fara, M. (2010). Knowability and Capacity to Know. *Synthese*. Vol. 173. pp. 53-73. DOI: s11229-009-9676-8.
- Fitch, F. (1963). A Logical Analysis of Some Value Concepts. *Journal of Symbolic Logic*. Vol. 28. pp. 113-118.
- Humberstone, L. (1981). From Worlds to Possibilities. *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 10. pp. 313-339.

Jenkins, C. S. (2007). Anti-realism and Epistemic Accessibility. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 132. pp. 525-551. DOI: 10.1007/s11098-005-2533-9.

Kvanvig, J. (2006). *The Knowability Paradox*. Oxford: Clarendon Press.

Rabinowicz, W, Segerberg, K. (1994). Actual Truth, Possible Knowledge. *Topoi*. Vol. 13. pp. 101-115.

Rückert, H. (2004). A Solution to Fitch's Paradox of Knowability. In Rahman, S., Symons, S., Gabbay, D. M., Bendegem, J. P. van (eds.) *Logic, Epistemology and the Unity of Science*. Dordrecht: Springer Science+Business Media B.V. pp. 351-380.

Salerno, J. (ed.) (2009). *New Essays on the Knowability Paradox*. Oxford: Oxford University Press.

Williamson, T. (1987). On the Paradox of Knowability. *Mind*. Vol. 95. pp. 256-261.

Williamson, T. (2000). *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2021

После доработки: 28.10.2021

Принята к публикации: 01.11.2021

Borisov Evgeny – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

The paper was submitted: 15.10.2021

Received after reworking: 28.10.2021

Accepted for publication: 01.11.2021